

Не жди больше.
Нырни в океан,
Уйди, чтобы слиться с морем воедино.

Джалал ад-Дин Руми

ПРОЛОГ

То были небеса, огромные, повсюду.

Небеса над морем, с переливами.

Тяжелые, грязно-белые. Голубые, беззаботные, с еле заметными белыми полосками. Похожие на тонкую шелковистую бумагу, накинутую поверх удивительного золотисто-желтого сияния, немые, металлически серые, сверкающие, бездонные и звонкие.

Небеса склонились над мягкими изгибами скал, отшлифованных тысячелетними льдами, раскинулись над миром, доминировали над всем.

Они возникали, распадались и появлялись вновь уже в другом облике, и никто не знал, чем они обернутся.

То были небеса.

И воды.

И скалы.

И все.

А еще люди. Маленькие люди, приехавшие сюда, чтобы построить себе жилье на бескрайних морщинистых скалах. Чтобы наловить сельди, в те стародавние времена, когда сельдь шла ко-

сяками — да такими, каких ни до, ни после никто не видывал. *Никогда не видали таких косяков.* Поговаривали, что можно было по селедочным спинам перейти с острова на остров — сельди было больше, чем воды.

Люди жили на островах, выходили в море, под эти небеса. Иногда — отнюдь не редко — в воду под небом падало тело, и вскоре о нем забывали. Забывали люди, разумеется, но и воды, и небеса тоже.

Возможно, слышались крики, чье-то имя раздавалось и уносилось с ветром. Крики с земли или с лодки, звучащие над морем.

А иногда зимой, когда море, казалось, становилось темнее и глубже, поговаривали о других криках. О криках, раздававшихся из глубины моря, криках, доносящихся до поверхности. Зовущих и влекущих.

Но это, должно быть, просто народная молва. Вероятно, то была лишь песнь ветра.

1

Солнце благодушно светило своим огромным глазом, посылая вниз лучи, которые распадались на множество осколков под самой поверхностью воды. Налобный фонарь замигал, надо было зарядить аккумулятор. Ну ничего, уже почти все сделано.

Мартин обвел взглядом подвешенные садки, полные водорослей и устриц, похожие на пеларгонии в каком-нибудь морском саду. Вскоре он добрался до последнего якорного троса у самого дна. Проверил, подергав его несколько раз. Все в порядке. Никаких повреждений.

Все выглядело нормально.

Мартин развернулся и усиленно заработал ластами, не выпуская из поля зрения канат, протянувшийся вдоль морского дна. Один конец каната крепился к садку с устрицами, другой — к мосткам на берегу. Мартин совсем замерз — руки и спина онемели уже давно, а теперь, казалось, все тело проморожено насквозь, как мясная туша.

В эту пору, в январе, в море почти ничего не происходило. Время от времени пробежит кра-

бик и спрячется в песке, или заметишь камбалу, залегшую на дно в ожидании лучших времен, но в остальном настолько холодно, что вся морская жизнь, по большому счету, останавливается.

Другое дело поздней осенью и ранней зимой: летние водоросли уже исчезли, а настоящие холода еще не наступили. Все видно как на ладони, а морская жизнь кипит всюю.

Вот тогда-то, когда ливни, ветра и шторма затемняют небо, особенно приятно опуститься в тишину и покой подводного мира. В такие дни он любил погружаться просто так, ради удовольствия.

Для него это был лучший отдых — ощущение невесомости под водой, когда мир ограничивается тем пространством, куда достает свет фонарика. Все остальное исчезает. Это ни в какое сравнение не идет с тропическими водами, где все видно на двадцать метров в любую сторону, — тут весь смысл как раз в темноте, близости и деталях.

Ближе всего к поверхности живут медузы. Маленькие гребневики, переливающиеся разными цветами, если на них посветить фонариком, и жгутиче волосистые цианеи с длинными нитями-щупальцами — здоровые, сильные организмы в своей естественной среде, а не грязные полумертвые существа, которых иногда находишь на пляже летом. Но с ними надо быть начеку. Однажды такая медуза ухитрилась засунуть щупальца под регулятор акваланга, в результате его верхняя губа раздулась до неузнаваемости.

В темноте появлялась живность, которая никогда не показывается при свете. Осьминоги, ме-

няющие окраску при приближении опасности, омары, покинувшие свои норки, чтобы прогуляться. Все они редко бросаются в глаза, как и креветки, и замаскировавшиеся крабы, и раки-отшельники, так что нужно быть предельно внимательным, чтобы уловить малейшие движения, заметить блеск маленьких глазок в отсветах фонаря.

Как-то раз, погрузившись, он разглядывал коралловые заросли и ракушки, как вдруг почувствовал, что на него кто-то смотрит. Он обернулся и увидел проплывающую мимо белую с голубым отливом медузу. Она была похожа на маленькое привидение, или на вытянутый гриб, или на взрыв атомной бомбы.

Тогда он понял, что не он один проводит наблюдения. На него смотрят со всех сторон, смотрят все эти существа, что скользят в воде, прячутся в песке или под камнями и чьи глаза невозможно поймать лучом фонарика.

Вот он и у мостков рядом с лодочным сараем.

Еще несколько движений ногами, и он у цели. Медленно поднявшись к поверхности, он вынырнул и схватился за лестницу. Снял ласты, забросил их на дощатый пирс и поднялся по ступенькам. В эти мостки он вложил не одну тысячу, поскольку ему было важно, чтобы они получились добротными и выдерживали его в полной экипировке.

Вынув регулятор изо рта, он отсоединил шланги, снял акваланг и положил все в ручную тележку, стоявшую рядом. Затем тяжелыми шагами направился с ней к пикапу, ощущая себя столь же

ловким и грациозным, как барахтающаяся на спине черепаха.

Стянув с себя гидрокостюм и развесив все вещи в машине, он откашлялся, пытаясь выгнать из легких холод. Уселся на потертое водительское сиденье. Завел двигатель, налил себе кофе из термоса, обхватил стаканчик обеими руками, чтобы согреться.

Все там выглядело как обычно.

Теперь худшее позади, все снова станет как прежде.

Осталось только поверить в это самому.

Четверть часа спустя Мартин уже ехал, вцепившись в руль побелевшими руками.

Отъезжая от лодочного сарая и пересекая хутор братьев, он никого не заметил.

Никаких враждебных взглядов. И все же он чувствовал их, словно они окружали его со всех сторон, из дома, из всех хозяйственных построек и припаркованных машин.

Взгляды, скрывавшие столько злобы.

Они где-то там, он точно знал.

Он задумался над тем, чем можно заняться в те три дня, что он проведет один с Адамом. В субботу можно съездить в Гетеборг, сходить там в зоопарк, Адаму это понравится, особенно если взять с собой его приятеля Вильгота. А вот завтра лучше остаться дома, навести порядок в сарае и в саду. Обещают переменную облачность и небольшой минус, не то чтобы прекрасная погода, но лучше, чем снежная буря, как в прошлые выходные, когда дороги было не различить и они всей семьей

сидели два дня дома почти безвылазно. Можно будет завтра спуститься с Адамом к воде и устроить там пикник, когда Александра с Нелли уедут. Все будет хорошо.

Через двадцать минут он свернул на грунтовую дорогу, ведущую к детскому саду. Здание располагалось у самого моря. После того, как улеглась первоначальная тревога по поводу всех возможных опасностей, ему не раз приходило в голову, что это, должно быть, самый красивый детский сад в Швеции. Бесконечность, вечность, в которой день за днем растут дети, — все это должно сделать из них *хороших людей*, думалось ему, хотя он и знал, что все гораздо сложнее.

Дети сидели вокруг костра и жарили сосиски. Мартин припарковал автомобиль и поискал глазами сына, наконец увидел светлые вихры и синий комбинезон. Адам не заметил машину отца, и какое-то время Мартин просто сидел и наблюдал за мальчиком. Сейчас Адам жил в собственном мире, в том самом, где он оказывался, когда родителей не было рядом. Зрелище поразительное, но в то же время Мартину стало немного не по себе от того, что сын оставался самим собой даже в их отсутствие. Вот он запихнул в рот остатки сосиски. Воспитательница протянула ему салфетку, и он принялся вытирать лицо.

Эти милые пухлые губки. Мягкие круглые щечки. Большие глаза, открытые навстречу всему, пока не заметят, что что-то не так. Обычно это касалось Мулле: его забыли дома, или не могли принести сию же минуту, или сам Мулле что-ни-

будь натворил, обидел другую куклу или плюшевого мишку и не попросил прощения — все печали и радости в жизни так или иначе были связаны с этим тряпичным человечком.

Мартин отодвинул сиденье назад и снял с себя плотное термобелье, которое надевал для дайвинга. Натянул джинсы и свитер, вышел из машины. Когда он захлопнул дверцу, Адам поднял глаза.

— Папа!

Мальчик вскочил и побежал навстречу отцу с распростертыми объятьями.

— Привет, сынок! — Мартин присел на корточки.

Он долго сидел, обнимая Адама, вдыхая резкий запах сосисок и ощущая, как тревога растворяется и уходит.

— Прыгай в машину, а я схожу за твоими вещами и скажу, что ты завтра не придешь.

Когда они выехали на шоссе, уже начало смеркаться. Адам сидел рядом с Марином в своем детском кресле, установленном против хода движения, и пытался смастерить бумажный самолетик. На мобильный пришла эсэмэска. От Александры.

Купишь попкорн?, а следом большое сердечко.

Мартин улыбнулся и послал ей смайлик-поцелуй в ответ.

Местный магазинчик располагался прямо у дороги, туда заходили в основном жители Хенна, которые не хотели толкаться в большом супермаркете в поселке. Тут можно было купить все необходимые товары на каждый день, а еще в углу стояло несколько столиков и кофейный аппарат.

При желании там всегда можно было обменяться с кем-нибудь парой слов. Народ обсуждал ставки на конных скачках и результаты футбольных матчей. Обычно Адам сидел за одним из столиков и ждал, пока родители купят все необходимое. Иногда какая-нибудь добрая тетя угощала его леденцом на палочке или карамелькой.

— Подожди тут, я скоро, — сказал Мартин, и Адам, не отвечая, тут же побежал и сел на привычное место, на один из плетеных стульев. Мартин быстро взял, что нужно, и направился к кассе.

Стоя в очереди, он бросил взгляд на Адама и увидел, что тот держит на руках Лизу, крошечного пекинеса, которого они часто встречали здесь вместе с его пожилой хозяйкой. Мартин улыбнулся и тихо вздохнул. Он знал, что теперь ждет его на выходных. Все три дня Адам будет говорить о Лизе. Какая у нее мягкая шерстка и как с ней весело играть. Может, им тоже такую завести? *Когда* уже они заведут собаку? Когда ему исполнится четыре или пять? А ему разрешат самому выбрать кличку?

Расплатившись, Мартин обнаружил, что Лиза исчезла, а вместо нее Адам держит в руках коробочку с леденцами.

— Смотри! — радостно закричал мальчик, гремя коробочкой.

Позади него сидел тучный мужчина лет шестидесяти в спортивном костюме. Мартин его раньше не видел. Мужчина облокотился на палку, подмигнул и произнес хриплым голосом:

— Как-никак, скоро суббота.